

НАГОТА В ИНДИЙСКОМ ЭПОСЕ И МИФОЛОГИИ

Андрей Игнатъев

*Боги и мудрецы рождаются нагими,
И все прочие люди рождаются без одежды в мире.*

Слова Шивы. Брахманда-пурана (I.2.27.118)

Индия, или древняя Бхарата, это страна ярких красок, изобильной природы, неистощимого плодородия. В этой прекрасной стране, давшей миру стихи Амару, наставления «Камасутры», барельефы Кхаджурахо и живопись Аджанты, изображение живой человеческой плоти в былые времена царило в области культурного творчества. Недаром Иван Ефремов писал: «Величайшая цель и мечта искусства – отражение природной мощи человека в красоте и силе его тела и души – неизменно двигала стремлениями художников Древней Греции и Древней Индии» (цит. по: [Ефремов 2016: 377]).

Ранее я осветил место наготы в изобразительном искусстве Индии и в индуистском тантризме [Игнатъев 2020: 92–188], а сейчас хочу сосредоточиться на героическом эпосе и мифологии индуизма. Моими источниками при этом послужат «Махабхарата» и целый ряд пуран: «Шива-», «Линга-», «Бхагавата-», «Девибхагавата-», «Вамана-», «Сканда-», «Махабхагавата-» и «Курма-». Как и в любой культуре, нагота и здесь играет разные, в то числе и противоположные роли, тем более учитывая аскетический элемент, диалектически сочетающийся в Индии с эротизмом. На мой взгляд, в упомянутых выше источниках по мифологии можно выделить следующие функции наготы: нагота-теофания¹,

---

¹ Божоявление (греч.).

нагота-соблазн, нагота-стыд, нагота-отрешение и нагота-смерть. Примеры каждой из функций будут рассмотрены в соответствующих разделах.

Слова, обозначающие наготу

Для начала рассмотрим, какие слова в имеющихся у нас источниках служат для обозначения наготы. В санскрите для этого используется три группы прилагательных.

Слова из первой группы родственны русскому слову «нагой»: *paṅga* и *paṅgaṅka*. Они в значительной мере указывают на бытовую наготу (более напоминает русское слово «голый», имеющее пренебрежительный оттенок, по сравнению с возвышенно звучащим «обнаженный»), хотя в текстах тантр могут использоваться для обозначения ритуальной наготы адептов. Слово *paṅga*(ka) также может обозначать: 1) обнаженный нищий, 2) буддийский или джайнский нищенствующий монах, 3) лицемер, 4) певец, сопровождающий войско, или странствующие певец [Apte 1988: 278]. Это же слово в женском роде имеет значения: 1) обнаженная женщина, 2) безнравственная женщина, 3) бесстыдная женщина, 4) девочка до 10–12 лет или до начала месячных [Ibid.].

В ранних, ведийских текстах («Атхарваведа», «Шанкхаяна-шраутасутра») слово *mahāpaṅga*, букв. «великий нагой», имеет значение «любовник», в буддийских текстах («Лалита-вистара») – «атлет» (возможно, греческое влияние), а *mahāpaṅgā*, букв. «великая нагая», в ведийских текстах («Айтарей-брахмана») обозначает разновидность блудниц [Monier-Williams 2015: 796].

Вторая группа носит более высокое, по-настоящему сакральное значение. Она включает сложные слова, которые на русский переводятся как «облаченный в небеса (пространство, стороны света)» или же «имеющий небеса (пространство, стороны света) своим одеянием»: *digambara* (*diś* «сторона света», *ambara* «одежда», наиболее часто встречается), *digvāsa* (то же значение), *gagana-paridhāna* (*gagaṇa* «небо», *paridhāna* «одежда»). Эти прилагательные в

особенности используются, когда речь идет о наготы божеств, буддийских и джайнских нищенствующих монахов и тантрических посвященных [Apte 1988: 252]. Согласно словарю Монье-Вильямса, digambara могут именоваться Шива или Сканда, а digambarī – Дурга [Monier-Williams 2015: 480]. Кроме того, обнаженная Дурга может именоваться koṭarī и koṭavī [Apte 1988: 164; Monier-Williams 2015: 312]. Заметим, что слово «дигамбара» вошло в русский язык для обозначения представителей одного из двух основных направлений джайнизма, чьи монахи ходят нагими [Индуизм 1996: 496].

Наконец третья группа указывает именно на отсутствие одежды. Это самая многочисленная группа слов. Сюда входят слова: vivastra (vi- приставка со значением «прочь, от», vastra «одежда»), nirvastra (nis- приставка со значением «прочь, от», vastra «одежда»), avāsa (a – отрицательная частица, vāsa «одежда»), vivasana (vi- приставка со значением «прочь, от», vasana «одежда»), vastraśūnya, veśahīna (букв. «лишенный одежды»), avadhūta-veśa (букв. «с отброшенной одеждой») и т. д.

Нагота-теофания

В изобразительном искусстве мужские божества индуизма, в отличие от богов Эллады, никогда не изображались полностью обнаженными: «героическая нагота» для них вовсе не характерна [Васильков 2009: 57]. Исключением является Шива в некоторых из своих проявлений. Это вполне закономерно, потому что еще ведийский Рудра, предшественник Шивы, занимал особое, отстраненное по отношению к другим богам место. Он носит шкуру и живет на севере в горах (с севером связывалось все отрицательное), могуч и неуязвим, обладает оргиастическими чертами и то же время насылает смерть [Топоров 1992: 388–389]. В дальнейшем Шива не сразу стал божеством, признанным в брахманской среде, о его позднем и вовсе не бесконфликтном вхождении в формирующийся индуистский пантеон свидетельствует целый ряд мифов

[Гринцер 1992: 642]. Культ лингама, а это, чтобы не говорили, фаллический культ, связанный именно с Шивой, первоначально был чужд ведийским ариям: в «Ригведе» с презрением и враждебностью говорится о «членопоклонниках»² [Ригведа 1999: 200, 252].

Шива-Бхикшатана (храм Аруначалешвары, IX в., Тируваннамалай)

Интересен такой встречающийся в индийской скульптуре аспект Шивы, как Бхикшатана («странствующий нищий»). В этом аспекте бог изображается полностью обнаженным, с чашей из черепа (karāla) для сбора подаяния; Шиву сопровождают самка оленя и кобры, одна из которых обвивает его бедра [Тюляев 1988: 316–317, 319]. С данным изображением связан знаменитый миф о явлении Шивы в гималайском лесу деодаров³, где жили мудрецы вместе со своими семьями. Как пишет С. Крамриш, «Шива как Бхикшатана – форма, в которую он облекся, отправившись в лес Деодар, – изображается обнаженным. Его единственное одеяние – небо хотя он носит украшения. Змея кольцами обвивает его бедра. Его лингам опущен, не указывая ни на похоть, ни на йогический

---

² Более подробно о культе лингама в Индии и о дискуссии вокруг него см.: [Игнатъев 2020: 106–110].

³ Деодар, или гималайский кедр – хвойное дерево *Cedrus deodara*, произрастающее на северо-западе Гималаев в горах Афганистана, Пакистана, Индии и Непала. В высоту может достигать более 50 м. Продолжительность жизни до 3000 лет.

контроль» (цит. по: [Крамриш 2017: 186]). Этот миф излагается в целом ряде пуран, одна из наиболее известных версий содержится в «Линга-пуране» (глава 29).

Согласно этой пуране, однажды Шива появился в лесу мудрецов с целью испытать их веру и распространить среди них знание, нацеленное на отрешенность⁴. Великий бог был «облачен в стороны света» (digvāsā), то есть полностью обнажен, юн и прекрасен (29.1–10). При виде такого необычного мужчины жены мудрецов были охвачены дикой страстью и утратили всякое самообладание:

*При виде Бхавы некоторые из этих женщин, даже чуждые забав,
Принялись вращать от вожделения очами и играть бровями.
Другие женщины с лицом, сияющим улыбкой,
С чуть спадающими одеждами и развязавшимися поясами стали петь.
Иные же брахманские жены, завидев его в лесу, свои спадавшие одежды
И разноцветные браслеты побросав, охваченные страстью, к родичам
пошли.
Некоторые не замечали, что ниспали их верхние и нижние одежды,
Другие огромные ветвистые деревья за родичей принимали, томимые
желаньем.
Одни пели, другие танцевали и падали на землю,
Третьи садились, словно слоники, и вопили, о быки среди
дваждырожденных.
С улыбкой во взоре они повсюду обнимали друг друга.
Путь Рудре преградив, они показывали кокетливые жесты.
Одни из них вопрошали: «Кто ты?», другие: «Присядь»,
Третьи: «Куда ты? Будь милостив!» бормотали с радостной душой.
Неуклюже опускались на землю со спавшей одеждой и распущенными
волосами*

---

⁴ parīkṣārtham <...> śraddhayā <...> nivṛtti-lakṣaṇa-pratiṣṭhārtham.

*Целомудренные жены в присутствии мужей благодаря чарующей силе⁵
Бхавы⁶. (14–21)*

Шива оставался при этом совершенно спокоен и не проявлял никаких чувств. Однако мудрецы пришли в ярость и пытались наложить на таинственного незнакомца, сведшего с ума их жен, проклятие. Их запасы энергии, накопленной путем аскетизма, гаснут в присутствии Шанкары, как звезды на небе при появлении света Солнца⁷, и он просто исчез (antaradhīyata) (29.22–36). На следующее утро мудрецы отправились к Брахме и рассказали о случившемся. В ответ тот поведал, что «обладатель лингама» (liṅgin), которого они видели в лесу, это сам Шива, и что они совершили нехорошее дело, пренебрегнув обычаем гостеприимства. В пример мудрецам Прародитель поставил домохозяина Сударшану, чье почтение к гостям было столь велико, что он остался спокоен, когда его жена сообщила ему, что наслаждается любовью с пришедшим брахманом (на самом деле, в облике этого брахмана явился сам бог Дхарма, который не притронулся к жене Сударшаны, а просто хотел его испытать) (29.37–65). Далее Брахма разъяснил мудрецам предписания жизни в отрешении от мира, которую необходимо вести, что снова увидеть Великого

---

⁵ Обратим внимание, что волшебная сила, или māyā Шивы будет упоминаться во всех без исключения версиях этого мифа.

⁶ dr̥ṣṭvā kāścīdbhavaṃ nāryo mada-ghūrṇita-locanāḥ
vilāsa-bāhyastāścāpi bhrū-vilāsaṃ pracakrire
atha dr̥ṣṭvā parā nāryāḥ kiñcītprahasitānanāḥ
kiñcīdvistrasta-vasanāḥ srasta-kāñci-guṇā jaguḥ
kāścittadā taṃ vipine tu dr̥ṣṭvā viprāṅganāḥ srasta-navāṃśukaṃ vā
svān svān vicitraṃ valayān pravīdhyā madānvitā bandhu-janāṃśca jagmuḥ
kāścittadā taṃ na viveda dr̥ṣṭvā vivāsanā srasta-mahāṃśukā ca
śākhāvicitrān viṭapān prasiddhān madānvitā bandhu-janāṃstathānyāḥ
kāścījjagustaṃ nanṛturnipetuśca dharātale
niṣedurgajavaccānyā provāca dvija-puṃgavāḥ
anyonyaṃ sasitaṃ prekṣya cālilinguḥ samantataḥ
nirudhya mārgaṃ rudrasya naipuṇani pracakrire
ko bhavāniti cāhustaṃ āsyatāmiti cāparāḥ
kutretyatha prasīdepi jajalpuḥ prīta-mānasāḥ
viparītā nipeturvai vistrāstāṃśuka-mūrdha-jāḥ
pati-vratāḥ patīnāṃ tu sannidhau bhava-māyayā.

⁷ tapāṃsi teṣāṃ sarveṣāṃ pratyāhanyata śaṃkare
yathāditya-prakāśena tārakā nabhasi sthitāḥ.

бога. При этом о культе лингама здесь ничего не сказано (29.70–83) [Śrī-Liṅga-mahāpurāṇa 2017: 134–140].

Иная, более развернутая и интересная версия этого мифа излагается в «Курма-пуране» (II.37.2–163). Здесь Шива обнаженным (*digvāsā*) и пышнотелым (*rīpāṅgaś*) наведывается в лес деодаров не один, а в обществе Вишну, который принимает облик женщины с лицом, как полная Луна, с полной и высокой грудью и в желтых одеждах⁸. И если Шива привлекает внимание жен и дочерей (*kanyakānām*, II.37.53) мудрецов, то Вишну в женском обличье – их сыновей – последнее является особенностью версии «Курма-пураны». Мудрецы приходят в гнев и насылают различные проклятья, но оказываются бессильны (II.37.21–22). Здесь, как и в «Линга-пуране» приводится метафора с Солнцем и звездами (II.37.23). Тогда мудрецы со сломленным тапасом (*bhagna-tapaso*) вступают в диалог с незнакомцем и спрашивают, кто он (II.37.24). Шива отвечает, что он вершит подвижничество вместе со своей женой (II.37.25). В свою очередь, они требуют от него, чтобы он вершил подвижничество, взяв одежду и оставив жену⁹ (II.37.26). Перепалка между ними продолжается, и в итоге, Шива вместе с Вишну уходят в ашрам мудреца Васиштхи. Там эту пару приветливо встречает жена Васиштхи Арундхати и воздает им обоим почести (II.37.33–36). Однако разгневанные мудрецы не оставляют в покое нарушителя их покоя. Когда тот покидает ашрам, они набрасываются на обнаженного (*nagnaṃ*) Гиришу и принимают его бить посохами, комьями земли и кулаками (II.37.38), а затем произносят слова проклятия: «Этот твой лингам пусть отпадет, о глупец»¹⁰ (II.37.39). На это Шива отвечает: «Если у вас есть ненависть к моему лингаму, то я сам сделаю это»¹¹ (II.37.40), а затем сам отрывает себе лингам. После этого в миг исчезают и Шива, и Вишну, и оторванный лингам (II.37.41). Тогда появились

---

⁸ *strī-veṣaṃ viṣṇur āsthāya so 'nugacchati sūlinam sampūrṇa-candra-vadanam pīnonnata-payodharam <...> supīta-vasanam.*

⁹ *grhītvā vasanam tyaktvā bhāryāṃ tapaccara.*

¹⁰ *etad bhaval-liṅgaṃ utpātayatu durmate.*

¹¹ *kariṣyāmīti <...> yuṣmākaṃ māmake liṅge yadi dveṣo 'bhijāyate.*

зловещие знамения, вызывающие страх у существ, померкло Солнце, задрожала Земля, утратили блеск светила, взволновался океан (II.37.42). Анасуге, жене мудреца Атри, приснился сон, что она видела среди домов Шиву, собирающего милостыню в обществе Нараяны и своим сиянием озаряющего вселенную (II.37.44). Услышав об этом сне, испуганные мудрецы отправились к Брахме и сообщили о произошедших событиях (II.37.45–58). Как и в версии «Лингапураны», Брахма раскрыл тайну незнакомца, но, в отличие от нее, посоветовал мудрецам, чтобы они снова могли увидеть Шиву, изготовить изображение лингама и поклоняться ему вместе с женами и сыновьями (II.37.45–59). Тогда мудрецы вернулись в лес деодаров и принялись почитать Шиву (II.37.92–97), и спустя некоторое время Великий бог явился в своем обличье, и также обнаженный (*nagno*) (II.37.98–103). Далее приводится гимн, который они вознесли Шиве как высшему божеству (II.37.104–111) [Kūrma-purāṇa 2014: 446–460].

В версии «Шива-пураны» (IV.12) мудрецы с самого начала были преданными почитателями Шивы, постоянно совершая ему пуджу, созерцая его и вознося гимны (IV.12.4–7). Однажды они пришли в лес, чтобы собрать топливо для огня (IV.12.8) – из этого следует, что они не жили там. Тем временем Шива, чтобы испытать их (*parīkṣārthaṃ*), явился туда, приняв другую форму (*virūpaṃ sa samāsthāya*). При этом он был обнажен (*digambaro*) и держал лингам в руке (*haste liṅgaṃ vidhārayan*) (IV.12.9–11). Изумленные жены мудрецов собрались при виде незнакомца, одни из них стали обнимать его, другие – держать за руку (IV.12.12–13). Мудрецы же были ослеплены гневом и стали вопрошать его, кто он такой, а не получив никакого ответа, произнесли слова страшного и жестокого проклятья: «Раз ты совершаешь мерзкое дело, нарушающее установление вед, да падет на землю твой лингам»¹² (IV.12.17). После этих слов лингам Шивы тотчас же упал на землю и, не оставаясь на одном месте, подобно огню, стал опалять

---

¹² *tvayā viruddhaṃ kriyate veda-mārga-vilopi yat tatas tvadīyaṃ tal-liṅgaṃ patatāṃ pṛthivī-tale.*

все, куда бы не попал (IV.18.20). Тогда мудрецы обращаются к Брахме. Как и в двух предыдущих версиях, он раскрывает им тайну и также наказывается поклоняться Парвати, потому что только ее йони способна обеспечить неподвижное положение лингама. Мудрецы поместили изображение лингама на изображение йони и стали воздавать им почести (IV.18.22–42). Явившийся Шива заявляет мудрецам, что, за исключением йони Парвати, ни одна другая йони не способна выдержать его лингам¹³ (IV.18.46). После этого почитание лингама распространяется в трех мирах¹⁴ (IV.18.52) [Śrī-Śiva-mahāpurāṇa 2020: 586–588].

Есть и другие весьма оригинальные версии это мифа. Так, в версии «Брахманда-пураны» (I.2.27) Шива, пришедший нагим в лес мудрецов, обладает не привлекательной, а ужасной внешностью: натертый пеплом, со спутанными волосами, со страшными зубами. Указывается, что его член и мошонка цветом напоминают красный мел¹⁵. Шиву сопровождает сотворенная им жена, напоминающая его обликом и носящая украшения из травы¹⁶, которая, однако, в дальнейшем действии участия не принимает. Он то танцует, то поет, то ревет, как бык и как осел. Реакция жен мудрецов описана здесь очень лаконично. Мудрецы же сначала пытаются превратить Шиву в осла из-за его рева, но оказываются бессильны. Между ними и Шивой завязывается диалог. Мудрецы проклинаят незнакомца, чтобы его лингам отпал. На это Шива отвечает, что даже боги, начиная с Брахмы, не могут лишить его лингама, и он сам сделает это. В итоге Шива исчезает, и мир охватывают бедствия. Далее следует стандартный ход с обращением мудрецов к Брахме, их раскаянии и поклонении Шиве, причем в возносимом ими гимне они как раз именуют его обнаженным (I.2.27.75, 98). Говорится об учреждении культа лингама (I.2.27.101). Далее мудрецы просят явившегося Шиву разъяснить некоторые моменты, относящиеся к его

---

¹³ pārvatīm ca vinā nānyā liṅgaṃ dhārayitum kṣamā.

¹⁴ prasiddham caiva tal-liṅgaṃ tri-lokyām abhavad.

¹⁵ śiṣṇaṃ sa-vṛṣanaṃ tasya rakta-gaurika-sannibham, то есть перед нами единственная версия, где содержится пусть и краткое описание члена, который здесь именуется именно древним словом śiṣṇa вместо привычного liṅga, и упоминается мошонка.

¹⁶ bhāryā kṛtā tathārūpā tṛṇābharaṇa-bhūṣitā.

почитанию, в том числе и наготу (nagnatvaṃ) (I.2.27.105). Касаемо наготы Великий бог отвечает:

Боги и мудрецы рождаются нагими,

И все прочие люди рождаются без одежды в мире.

Те, чьи чувства не побеждены, [все равно что] обнажены, пусть даже облаченные в шелка,

У кого же они обузданы, тот [по-настоящему] сокрыт, не одежда здесь известна как причина.

Прощение, стойкость, ненасилие, полное отрешение

И равновесие в почете и бесчестьи есть лучшее укрытье¹⁷

(I.2.27.118–120) [Brahmāṇḍa-mahāpurāṇam 2000: 61–64].

В «Вамана-пуране» (6.58–86) Шива после гибели своей супруги Сати появляется в лесу мудрецов, преследуемый богом любви Камой. Само произошедшее в лесу описывается очень кратко, и, пожалуй, это единственная версия, где не указывается даже, что Шива обнажен, хотя это явно подразумевается. Оригинальным моментом оказывается то, что перед чарами Великого бога устояли жена Васиштхи Арундхати и жена Атри Анасуя, потому что они были самыми целомудренными среди жен мудрецов. И именно из-за проклятия Васиштхи и Атри лингам падает на землю, а Шива исчезает. Упавший лингам входит в нижний мир, а верхушкой касается небес, и все существа приходят в волнение. Далее, если во всех предшествующих версиях мудрецы обращаются за помощью к Вишну, то в «Вамана-пуране» Брахма приходит к Вишну, а далее следует популярный сюжет о том, что два этих бога пытаются отыскать начало и конец лингама и терпят неудачу. В итоге и тот, и другой восхваляют Шиву как высшее божество и просят, чтобы он забрал свой лингам

---

¹⁷ nagnā eva hi jāyante devatā munayas tathā
ye cānye mānavā loke sarve jāyantyavāsasaḥ
indriyair ajitair nagnā dukūlenāpi saṃvṛtāḥ
tair eva saṃvṛto gupto na vastraṃ kāraṇaṃ smṛtam
kṣamā dhṛtiḥ ahimsā ca vairāgyaṃ caiva sarvaśaḥ
tulyau mānāpamānau ca tat-prāvaraṇam uttamam.

и приставил его обратно. Великий бог является и говорит, что сделает это только тогда, когда боги станут поклоняться его лингаму. Так возникает культ лингама [Vāmana Purāṇa 2005: 49–56].

В «Сканда-пуране» (VI.1) действие версии мифа происходит не в гималайском лесу деодаров, а в лесу в Анарте (Северный Гуджарат), где живут мудрецы (VI.1.5). Как и в «Вамана-пуране», Шива приходит сюда после гибели Сати (VI.1.9). Он обнажен, а в руках держит чашу из черепа для сбора подаяния (VI.1.12). Очарованные нагим богом, некоторые женщины оставляют даже своих детей (VI.1.18). Лингам в «Сканда-пуране» отпадает из-за проклятия мудрецов (VI.1.19–21), а сам Шива прячется в глубокой яме, испытывая стыд (VI.1.22). Как следствие, мир охватывают бедствия (VI.1.23–24). Как и в «Вамана-пуране», мудрецы выпадают из дальнейшего действия. Боги сначала идут к Брахме (VI.1.25–34), а затем все вместе идут к яме (VI.1.35–36) и возносят Шиве хвалу (VI.1.37–38). Шива обещает, что заново приставит к своему телу лингам, если боги сделают его объектом почитания (VI.1.55). И когда небожители учреждают культ лингама (VI.1.62), он возвращает лингам на собственное место (VI.1.62) [The Skanda Purāṇa 2002: 1–7].

Как мы видим, представленные версии весьма различаются между собой. Например, если в одних версиях Шива появляется в лесу один, то в других («Курма-пурана», «Брахманда-пурана») его сопровождает женщина. Лингам то отпадает вследствие проклятия мудрецов, то его отрывает сам Шива, то об отпадении лингама ничего не говорится, а Шива просто исчезает («Линга-пурана»). Да и мудрецы не всегда признают свою ошибку, как в «Вамана-» и «Сканда-пуране». Но практически все версии объединяют следующие моменты: 1) полная нагота Шивы и демонстрация им лингама, 2) возбуждение, охватившее жен мудрецов, 3) конфликт с мудрецами, причем во всех версиях указывается, что действуют под влиянием майи Шивы, 4) учреждение культа лингама (последнее отсутствует только в «Линга-пуране»).

В мифологии обнаженный и неузнанный при этом Шива может вступать в конфликт не только с мудрецами, но с другими богами. В «Шива-пуране» (II.5.13–14.4) однажды Индра и Брихаспати отправились на Кайласу, чтобы повидать Шиву. Им преградил дорогу обнаженный (digambara) йогин со спутанными волосами. Это был Шива, желавший испытать обоих в знании (paṅkṣituṃ tauorjñānaṃ), но громовержец не узнал его и стал расспрашивать, кто он. А когда йогин не ответил, Индра пытался поразить его своей ваджрой, но оказался бессилён. В ответ Шива в гневе изверг сияние из своего третьего глаза, которое, однако, не уничтожило Индру, а было направлено Великим богом в океан возле устья Ганги. Оказавшись в океанских водах, сияние приняло облик младенца, который затем получит имя «Джаландхары» и, выросши, одолеет Индру [Śrī-Śiva-mahāpurāṇa 2020: 386–388].

Другой пример наготы-теофании связан с версией мифа о жертвоприношении Дакши, содержащейся в «Махабхагавата-пуране» (7.31–9.82). Известно, что в этом популярном сказании Дакша наносит обиду своему зятю Шиве тем, что отказывается пригласить его на устроенное им великое жертвоприношение. Узнав об этом, дочь Дакши Сати все равно желает отправиться на жертвоприношение. Шива пытается ее удержать. Как правило, Сати все равно отправляется туда и совершает тем или иным способом самоубийство. Особенностью версии «Махабхагавата-пураны» как раз является роль наготы: когда Шива долго отговаривал её от посещения жертвоприношения, устроенного её отцом, Сати разгневалась и предстала перед своим мужем в таком обличье:

Сбросив золотистую одежду, [Сати] была по виду старухой,

Облаченной в стороны света, с распущенными волосами, высывающей язык, четырехрукой,

Ее тело сверкало, словно Огонь времени, а на волосках на теле пот блестел.

*Свирепая, издающая пронзительные вопли, украшенная гирляндой из черепов*¹⁸ (8.50–51).

При виде своей грозной обнаженной супруги, украшенной гирляндой из черепов, Шива пришёл в ужас и попытался бежать, но в какую сторону он бы не направлялся, Сати неизменно встречала его в одном из своих десяти проявлений (*daśa mahāvidyā*). Одним из этих проявлений была обнаженная Кали (8.60). Так МБхП объясняет появление группы богинь, именуемых махавидьями. Потрясенный бог просит прощение у своей супруги и возносит ей хвалу (8.1–92) [Mahābhāgavata-purāṇa 1983: 34–40].

Тогда Сати благополучно отправляется на жертвоприношение. Здесь она также ввергает в ужас присутствующих своей наготой и грозным обликом, включая собственных мать и отца (8.106; 9.12, 43). Причем Дакша связывает наготу дочери именно с «дурным влиянием» Шивы:

Зачем обнаженной ты в собрание пришла?

Отчего распустила волосы и грозно глядеть стала?

*Возможно, выйдя замуж за недостойного, такую же участь ты обрела?*¹⁹
(9.48–49)

При этом она создает двойника (*chāyā-satī*, «тень-Сати»), которого все принимают за настоящую Сати и который входит в жертвенное пламя; сама же богиня возносится на небеса (8.93). Такое «раздвоение» Сати повышает статус ее статус: она теперь не младшее женское божество, но сама Великая богиня. Не страдая сама, она ввергает других в бездну страданий, включая собственного супруга (8.93–9.82) [Ibid.: 40–47]. После перерождения Сати в облике Парвати, Шива, обращаясь к ней, вспоминает в том числе и ее наготу (23.16, 18). Так

---

¹⁸ *tyaktvā hema-patim āsīd vṛdhāvasthā-samapabhā
digambarā lasat-keśā lalal-jihvā caturbhujā
kālānala-lasad-dehā svedāktena tanūruhā
mahābhīmā ghora-rāvā muṇḍa-mālā-vibhūṣaṇā.*

¹⁹ *sā tvam vīgata-vastrādyā sabhāyām āgatāsi kim
katham va mukta-keśī tvam katham vā bhīma-locanā
kimayogyam patim labdhvā prāptā tvamīdṛṣam daśām.*

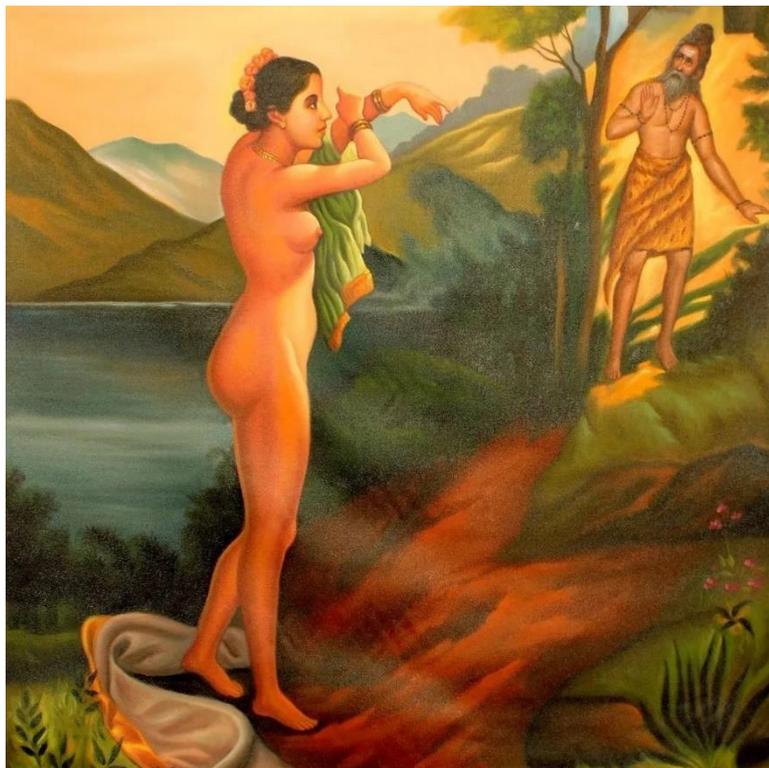
божественная женственность, сбросив одежды в прямом и переносном смысле, является в своем изначальном облике.

Нагота-соблазн

Общеизвестно, какое притягательное, колдовское и волнующее действие на мужчину производит обнаженное женское тело. По собственной воле сбрасывая свои одежды перед мужчиной, женщина говорит о своем желании любовного наслаждения с ним и воспламеняет его сердце. Подобное мы не раз встречаем и в индийском эпосе и мифологии. Прежде всего, в случае апсар, которых боги отправляют, чтобы соблазнить подвижников, чье обретаемое благодаря аскезе могущество начинает угрожать их власти. Следует обратить внимание, что утрату накопленной мощи вызывает не сам секс, а именно семяизвержение. Согласно представлениям индийцев, аскет, удерживая в себе мужское семя, поднимает его вверх вдоль позвоночного столба (отсюда эпитет такого аскета *ūrdhva-retas*, букв. «[поднимающий]-вверх-семя»); и в итоге его тело наполняется мистической огненной энергией (*ojas*), наибольшая концентрация которой как раз наблюдается именно в мужском семени, и он обретает несокрушимое здоровье и сверхъестественные способности (*siddhi*). В фольклорных сюжетах из пореза на теле аскета вытекает семя, а не кровь [Махабхарата 1988: 642; Feuerstein 2011: 252]. Подобные представления мы встречаем и в Древней Греции, в частности, у Платона [McEvilley 2002: 93–95].

Одна из самых известных историй этого рода приводится в первой книге «Махабхараты» «Ади-парва» (I.65.18–66.15). В ней Индра отправляет прекраснейшую из апсар Менаку, чтобы она соблазнила мудреца Вишвамитру. Та поначалу выказывает опасение, однако в итоге соглашается, попросив Индру себе в помощники бога ветра Маруту (Ваю) и бога любви Каму, и владыка небесного царства отдает богу ветра соответствующее повеление. Придя в обитель мудреца, испытывающая страх Менака увидела Вишвамитру, силой

своего подвижничества сжегшего свои грехи. Приветствовав его, она принялась играть вблизи от провидца, и тут ветер сорвал с нее одежду, подобную луне²⁰. Тогда красавица бросилась на землю, чтобы поймать одежду²¹, и лучший среди мудрецов увидел Менаку, смущенную и обнаженную, наделенную неопишуемой

Менака и Вишвамитра. Картина современного художника

юностью и красотой²². Подпав под власть страсти, он испытал желание к соединению с ней²³. Вишвамитра позвал апсару, и она, безупречная, также изъявила желание²⁴. Наслаждаясь, как душе угодно, они провели вдвоем очень долгое время в лесу, как будто один день²⁵. От этого союза родилась девочка, которую Менака оставила в гималайской долине у реки Малини. Малютку

---

²⁰ abhivādya tataḥ sā taṃ prākṛīḍad ṛṣi-saṃnidhau
apovāha ca vāso 'syā mārutaḥ śāsi-saṃnibham.

²¹ sāgacchat tvaritā bhūmiṃ vāsas tad abhiliṅgatī <...> varavarṇinī.

²² saṃbhrāntāṃ menakāṃ muni-sattamaḥ
anirdeśya-vayo-rūpāṃ apaśyad vivṛtāṃ.

²³ cakāra bhāvaṃ saṃsarge tayā kāma-vaśam gataḥ.

²⁴ nyamantrayata cāpy enāṃ sā cāpy aicchad aninditā.

²⁵ tau tatra suciraṃ kālaṃ vane vyaharatāṃ ubhau ramamāṇau yathā-kāmaṃ.

подобрал и удочерил мудрец Канва, и впоследствии она прославилась под именем Шакунтала [Махабхарата 1992: 198–201]. Перед нами пример в общем счастливой истории, связанной с наготой-соблазном, однако иногда обольстительная нагота женщины оказывается роковой для мужчин.

Именно так случилось с двумя великими воителями, братьями-близнецами Сундой и Упасундой, сказание о которых также излагается в первой книге «Махабхараты» (I.200.21–204.26). Сунда и Упасунда происходили из рода знаменитого асуры Хираньякашипу. Вознамерившись покорить три мира, они предались суровому подвижничеству и благодаря ему обрели у Брахмы дар, что не будут испытывать страха ни перед одним существом, кроме как друг перед другом. Затем братья овладели небесами, подземным миром и, наконец, землей. На земле Сунда и Упасунда жестоко преследовали и уничтожали брахманов, потому что те поддерживали своими жертвоприношениями богов, после чего оба воителя поселились на Курукшетре. Тогда боги и мудрецы отправились к Брахме и поведали ему о злодеяниях Сунды и Упасунды. Тот поразмыслил и для уничтожения асур повелел Вишвакарману создать божественную деву. Вишвакарман сотворил такую девушку, в члены тела которой он вложил все, что есть прекрасного в этом мире. И поскольку она была создана из сочетания различных частиц величиной с семя сезама, Брахма дал ей имя «Тилоттама» (tila это семя сезама или маленькая частица размером с такое семя, uttama наилучший). Брахма повелел Тилоттаме отправиться к Сунде и Упасунде, чтобы соблазнить их и вызвать ссору между братьями. Тилоттама пришла в горы Виндхья, где в ту пору братья предавались различным наслаждениям. Сама сцена рокового соблазнения описывается так. Тилоттама собирала в лесу цветы, сбросив одежды и прикрывшись одним лишь куском красной ткани²⁶. Красный цвет здесь неслучаен, поскольку это цвет раджаса, цвет страсти. При виде красавицы Сунду и Упасунду, которые и так были опьянены вином, охватила дикая страсть. Каждый из них возжелал, чтобы прелестная незнакомка стала его

---

²⁶ tilottama tatra vane puṣpāni cinvatī veṣam ākṣiptam ādhāya raktenaikena vāsaṣā.

женой. А далее между братьями случилось то, что обычно происходит между мужчинами, когда между ними встает прекрасная женщина. «“Она моя супруга, а твоя повелительница!” – воскликнул Сунда. “Она моя супруга, а твоя

Тилоттама. Картина Рави Вармы (XIX в.)

свояченица!” – промолвил Упасунда. “Не твоя она, а моя!” – говорили они (друг другу), и обоих их охватила ярость²⁷. В последовавшем коротком поединке на булавах братья убили друг друга, а их сородичи бежали в подземный мир. Так цель богов была достигнута благодаря Тилоттаме. И когда Брахма в качестве награды предложил ей дар, она, как сказано, избрала любовь (prītim eva ha varayām āsa) [Махабхарата 1992: 524–533]. В случае мифа о Сунде и Упасунде нагота-соблазн плавно перетекает в наготу-смерть, о которой мы еще поговорим.

---

²⁷ mama bhāryā tava gurur iti sundo ‘bhyabhāṣata
naiṣā tava mamaīṣeti tatra tau manyur āviśat.

Сунда и Упасунда сражаются из-за Тилоттамы. Камбоджа, X в. Музей Гиме (Париж)

Нагота-соблазн может выступать нарушением общественных устоев и влечь за собой суровое наказание. В «Махабхарате» (I.91.3– 6) рассказывается, что однажды на собрании богов у Брахмы ветер раскрыл одежду на богине Ганге. Все боги немедленно потупили взоры, и только царственный мудрец Махабхиша посмотрел на богиню. Из-за этого Брахма своим проклятием обрек его родиться на земле²⁸ [Махабхарата 1992: 274]. Версия этого мифа содержится в «Девибхагавата-пуране» (II.3.15–23). Здесь сказано, что Махабхиша и Ганга были влюблены друг в друга (*tau prema-samyuktau*), и что проклятие Брахмы относилось не только к царю, но и к богине [Девибхагавата-пурана 2018, 1: 148–149].

«Махабхарата» также связывает наготу-соблазн с оргиастическими празднествами, приписываемыми мадрам и бахликам – народам, жившим на северо-западе Индии, на окраине индоарийского мира. Так, «женщины (мадров), обезумев от выпитого вина, срывают с себя одежды и пускаются в пляс; в

---

²⁸ tataḥ kadā cid brahmāṇam upāsāṃ cakrire surāḥ
tatra rājarṣayo āsan sa ca rājā mahābhiṣaḥ
atha gaṅgā saricchreṣṭhā samupāyāt pitāmaham
tasyā vāsaḥ samudbhūtaṃ mārutena śaśi-prabham
tato 'bhavan sura-gaṇāḥ sahasāvān mukhās tadā
mahābhiṣas tu rājarṣir aśaṅko dṛṣṭavān nadīm
apadhyāto bhagavatā brahmaṇā sa mahābhiṣaḥ
uktaś ca jāto martyeṣu punar lokān avāpsyasi.

плотской любви они необузданны и вытворяют все, чего только не пожелают»²⁹ (VIII.27.85) (цит. по: [Махабхарата 1990: 102]). Сходным поведением отличаются и бахлики: «Умашенные, украшенные венками, они, напившись допьяна, хохочут, поют и, скинув одежды, пляшут с женщинами у стен города и домов, у всех на виду»³⁰ (VIII.30.16) (цит. по: [Махабхарата 1990: 110]). Впрочем, приписывать соседним народам разного рода качества, считающиеся аморальными, это черта, присущая людям во все эпохи.

Нагота-стыд

Выполняя различные функции в культуре, нагота зачастую оказывается связанной с ощущением стыда, позора и унижения. Хрестоматийным примером является эпизод из библейской Книги Бытия, где Адам и Ева, вкусив запретный плод древа познания добра и зла, начинают испытывать стыд из-за своей наготы и изготавливают себе опоясание из листьев смоковницы (Быт. 3:7). Также можно вспомнить Одиссея, который, в результате кораблекрушения оказавшись выброшен на берег страны феаков, стыдится своей наготы и просит царевну Навсикаю дать ему «хоть лоскут грубой обертки» («Одиссея» 6.176–177) [Гомер 1984: 82]. Позже «отец истории» Геродот напишет, что «у лидийцев и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим» (цит. по: [Геродот 1999: 9]).

Самый известный эпизод в санскритской литературе, где обнаженное состояние отождествляется именно со стыдом и позором, это сцена с попыткой раздевания общей жены пятерых братьев-пандавов из второй книги «Махабхараты» «Сабха-парва» («Книга о собрании») (II.60.14–63.36) [Махабхарата 2007: 120–132]. Когда Юдхиштхира в результате своей первой

---

²⁹ vāsāmsy utsrjya nṛtyanti striyo yā madya mohitāḥ
mithune 'saṃyatās cāpi yathā kāmacarās ca tāḥ.

³⁰ hasanti gānti nṛtyanti strībhir mattā vivāsasaḥ
nagarāgāra vapreṣu bahir mālyānulepanāḥ.

игры в кости с коварным Шакуни проиграл все свои богатства, царство, братьев, самого себя и, наконец, Драупади, Духшасана за волосы приволок ее в царское собрание. При этом она была прикрыта лишь одним куском одежды, с узлом, завязанным внизу, из-за того, что у нее наступили месячные³¹ (II.60.14). Здесь необходимо сделать пояснение, что эпические персонажи обоих полов и всех социальных групп носят в качестве одежды два куска материи, обертываемых соответственно вокруг верхней и нижней половин тела [Махабхарата 1987: 612]. Получается, что Драупади была до пояса обнажена, что, впрочем, в самом тексте не конкретизируется, сказано лишь также, что у нее была спущена верхняя одежда.

В.И. Кальянов здесь переводит слова *vasana* и *vastra* как «платье», что может породить неверные ассоциации. Далее Карна приказывает Духшасане снять одежды с пандавов и Драупади (II.61.38)³², поскольку они теперь обрели рабский статус. Таким образом, обнажение рассматривается как унижение, утрата субъектности и свободы. Услышав слова Карны, пандавы сами снимают с себя верхние одежды (II.61.39)³³, а Духшасана, силой ухватив за одежду Драупади, начинает ее стаскивать. Но всякий раз, когда он снимает с нее одежду, тут же появляется другая, точно такая же одежда (II.61.39 –40)³⁴. Тогда разгневанный Бхима поклялся, что убьет Духшасану и напьется его крови. Духшасана же тем временем устал и прекратил свои тщетные попытки. Далее Драупади произносит речь, указывающую на то, что для нее неприемлема не только нагота, но и вообще любое появление на публике: «нигде в другом месте меня не видели прежде. И вот сегодня я приведена в собрание. Я, которую раньше ни ветер, ни солнце не видели в моем доме, – я сегодня выставляюсь

---

³¹ *eka-vastrā adho nīvī <...> rajasvāla.*

³² *pāṇḍavānām ca vāsāmsi draupadyāś cāpy upāhara.*

³³ *tac chrutvā paṇḍavāḥ sarve svāni vāsāmsi <...> avakīryottarīyāni.*

³⁴ *sabhā-madhye samākṣipya vyapakraṣṭum pracakrame.*

ākṛṣyamāne vasane draupadyās tu <...>

tad-rūpaṃ aparaṃ vastraṃ prādūrāsīd anekāśaḥ.

напоказ в зале собрания перед (всеми) кауравами»³⁵ (цит. по: [Махабхарата 2007: 127]). Однако кауравы не унимаются. На глазах у всех Дурьодхана приподнимает свою одежду и показывает Драупади свое обнаженное левое бедро³⁶ (II.63.12) – недвусмысленный намек на желание любовной связи, поскольку у индийцев считалось, что женщина должна всегда сидеть слева от своего мужа. И само

Духшасана пытается раздеть Драупади. Современное изображение

слово *vāṃtā* «женщина» (также имя Парвати, Лакшми и Сарасвати) соседствует в словаре со словом *vāṃta* «левый» [Apte 1988: 501–502]. В данном случае речь идет скорее о «наготы-соблазне», причем со стороны мужчины, что у пандавов вызывает гнев. И Бхимасена снова дает клятву, на этот раз обещая раздробить палицей левое бедро Дурьодханы в битве. Затем царь Дхритараштра возвращает пандавам все их богатства и свободу, и они были вынуждены уйти в изгнание лишь в результате второй игры в кости. И находясь в изгнании, гордая Драупади постоянно напоминала пандавам о нанесенных ей обидах. Поэтому неслучайно, что кульминацией битвы на Курукшетре становится поединок Дурьодханы и Бхимы, выступающим мстителем за поруганную честь супруги. Поэтому мы

---

³⁵ na dr̥ṣṭa-pūrvā cānyatra sāham adya sabhāṃ gatā
yāṃ na vāyur na cādītyo dr̥ṣṭavantau purā gr̥he
sāham adya sabhā-madhye dr̥ṣyāmi kuru-saṃsadi.

³⁶ draupadyāḥ prekṣamāṇāyāḥ savyam ūrum adarśayat.

можем только согласиться с П.А. Гринцером, утверждавшим, что в «Махабхарате» мотив похищения жены, который в других произведениях мирового эпоса обычно определяет движение сюжета, заменен мотивом оскорбления жены – фактически смягченной формой первого [Гринцер 2013: 148–149]. Причем оскорбление является двойным и в обоих случаях оно связано с наготой: сначала Духшасана приводит Драупади полураздетой в собрание и пытается ее раздеть до конца, а затем Дурьодхана показывает несчастной царице пандавов свое левое бедро, что, как я уже писал, весьма символично.

Впрочем, стыд, если на их наготу посмотрит посторонний мужчина, испытывают не только женщины, но и богини. В «Девибхагавата-пуране» (I.12) рассказывается история, что однажды Санака и другие мудрецы пришли в заповедный лес, чтобы повидать Шиву, а тот в это время предавался любовным играм со своей супругой Парвати, и она, будучи без одежды, сидела у него на коленях. При виде посторонних мужчин богиня застыдилась и, сойдя с колен мужа, поспешила одеться (I.12.18–19)³⁷. Мудрецы же, чтобы не тревожить божественную чету, отвернулись и немедленно удалились. Тогда Шива, видя смущение и испуг своей любимой жены, тотчас же наложил на лес заклятие, что всякий мужчина, который вступит в него, превратится в женщину. Жертвой этого заклятия стал царь Судьюмна, по незнанию отправившийся сюда на охоту со своими придворными. Все они, оказавшись в лесу, стали женщинами, и даже конь Судьюмны обратился в кобылу. Однако на помощь к несчастному царю (уже в женском облике успевшего родить от Будхи Пурураваса) пришел мудрец Васиштха. Он упросил Шиву, и тот позволил Судьюмне один месяц быть мужчиной, а другой – женщиной [Девибхагавата-пурана 2018, 1: 51–52]. Заметим, что сами мудрецы, пусть и невзначай увидевшие обнаженную Парвати, не понесли за это никакого наказания. Здесь индийская мифология оказывается

---

³⁷ utsaṅge samsthītā bhartū ramamāṇā manoramā
tān vilokyāmbikā devī vivastrā vrīḍitā bhṛśam
bhartur aṅgāt samutthāyā vastram ādāya puryadhāt
lajjā-viṣṭā sthitā tatra vepamānā ‘timānīnī.

намного более либеральной, чем древнегреческая. Вспомним судьбу несчастного Актеона, превращенного в оленя и растерзанного собственными собаками из-за того, что он подсмотрел купание Артемиды, или Тиресия, наказанного слепотой из-за взгляда на обнаженную Афину.

Обнаженные мужчины при виде посторонних, тем более старших и уважаемых людей, также должны были испытывать стыд. В противном случае их могли ожидать разные неприятности. Примером служит история сыновей бога богатства Куберы Налакувары и Манигривы, излагаемая в «Бхагаватапуране» (X.10). Сказано, что они были спутниками Шивы (*rudrasyānucarau*) и однажды в цветущем саду у подножия горы Кайласы на берегу реки Мандакини (отождествляемой с небесной Гангой), испив хмельного напитка варуни (*vāruṇīm madirām pītvā*), бродили и распевали песни вместе с женщинами (*strī-janaiḥ*). Войдя в воды Мандакини, они предались играм со своими юными спутницами (*cikrīḍatur yuvatibhir*), как два слона со слонихами (*gajāv iva kareṇubhiḥ*). Подобное сравнение часто встречается в санскритской литературе при описании совместных купаний мужчин и женщин. На беду веселой кампании показался мудрец Нарада. Девушки божественного происхождения, будучи без одежды, застыдились при виде мудреца и, опасаясь проклятия, поспешили одеться³⁸, а сыновья Куберы так и остались обнаженными (*vivastrau naiva guhyakau*). Разгневанный таким бесстыдным поведением обоих юношей, Нарада произнес длинное моральное назидание, а в завершение своим проклятием обрек их на сто божественных лет превратиться в деревья, пока их не освободит Васудева-Кришна, и тогда они снова вернутся на небеса. Налакувара и Манигрива стали деревьями арджуна³⁹, а потом Кришна ребенком освободил их, сломав оба дерева. Смысл самого проклятия заключался в том, что человек, которому нравится быть обнаженным, в качестве наказания заслуживает того, чтобы стать

---

³⁸ *taṃ dr̥ṣṭvā vṛ̥ḍitā devyo vivastrāḥ śāpa-śaṅkitāḥ vāsāṃsi paryadhuh śīghram.*

³⁹ Арджуна – *Terminalia arjuna*, разновидность дерева нимба или ним. Высокое вечнозеленое дерево, обычно растущее по берегам рек [Вальмики 1999: 480].

деревом, не осознающим своей наготы [Шримад-Бхагаватам 2006: 477–516]. Обращает на себя внимание, что в самом начале повествования Налакувара и Манигрива названы спутниками Шивы, таким образом, «аморальные» вещи – прилюдная нагота, употребление алкогольных напитков и развлечения с женщинами – связываются с шиваитами как последователями конкурирующего с культом Вишну-Кришны течения. Ганы – слуги Шивы – в других источниках также иногда описываются как обнаженные (например, «Махабхагавата-пурана» 21.12; «Падма-пурана» V.9.11). Впрочем, подобные проявления враждебности к шиваизму в мифологизированной форме мы не раз встречаем в «Бхагавата-пуране», о чем пойдет речь и в этой статье.

То, что нагота воспринимается как атрибут и самого Шивы, и его почитателей, проявляется и в истории, относящейся к «Махабхарате», но не вошедшей в ее критическое издание. Эту историю рассказывает бенгалец Шудхирчондро Шоркар. Согласно ей, покровительствовавший Дурьодхане Шива повелел тому явиться перед собой нагим, поскольку желал своим взором одарить его неуязвимостью от любого оружия. Каурава же явился в набедренной повязке, и так его бедра остались уязвимыми. Этим и воспользовался Бхимасена, в поединке нанеся Дурьодхане роковой удар ниже пояса. Так излишняя стыдливость погубила великого героя [Шудхирчондро 2013: 134]. Здесь мы сталкиваемся с тем же мотивом, что и в случае Ахилла в эпосе Древней Греции («ахиллесова пята»).

Впрочем, связанное с наготой чувство стыда может посещать и самого Шиву. В «Сканда-пуране» (I.34) повествуется история игры Шивы и Парвати в кости, которую Великий бог проигрывает. Богиня со смехом забирает у мужа все его украшения и атрибуты, включая слоновью шкуру и полумесяц (I.34.116–119), а затем и набедренную повязку (*kaupīna*) (I.34.120). Спутники Шивы испытывают стыд (*trapaṃyā pīḍitā 'bhavan*) (I.34.120), как и он сам (*lajjito 'bhavat*) (I.34.122). Великий бог умоляет вернуть ему хотя бы только набедренную

повязку (I.34.123). На эти неоднократные мольбы Парвати с усмешкой отвечает (I.34.127):

Зачем набедренная повязка тебе, мудрецу, благородному духом?

Обнаженным ты ходил в лес деодаров

Под предлогом сбора милостыни и очаровал жен мудрецов,

И когда ты шел, о Шамбху, то они тебе совершили великое поклоненье.

Набедренная повязка там упала, не иначе мудрецы сказали.

*Поэтому проигранное в кости должно быть оставлено тобой*⁴⁰ (I.34.128–130).

Тогда Шива в гневе поглядел на свою супругу третьим глазом. Присутствовавшие испугались, что Шива испепелит ее, как когда-то Каму, но ничего не произошло, а богиня с усмешкой сказала, что она не Кала, не Кама, не жертвоприношение Дакши, ни Трипура и не Андхака. В итоге обиженный Шива удалился в лес (I.34.131–141) [Skanda-purāṇam 2002: 196–197].

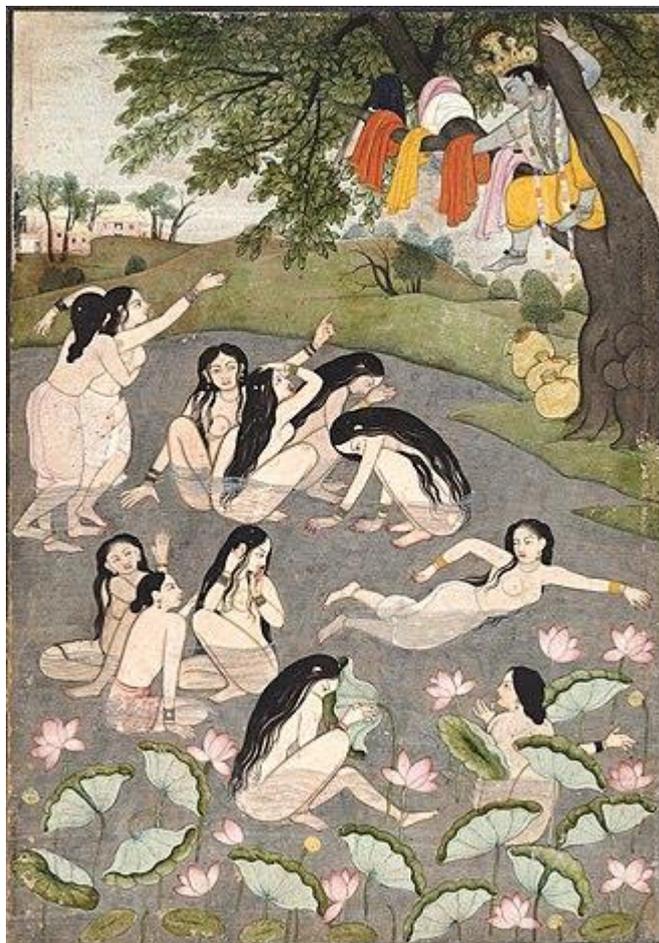
Итак, эта история не только перекликается с мифом о посещении Шивой леса мудрецов, но и содержит аллюзию на эпизод «Махабхараты» с игрой в кости Юдхиштхиры и Шакуни и раздеванием Драупади, только здесь в роли Драупади выступает сам Великий бог. Таким образом, перед нами не только еще один пример стыда-наготы в индийской мифологии, но и иронического снижения образа божеств, которое можно наблюдать также, например, в «Сказании о Джаландхаре» в «Падма-пуране» [Сказание 2022: 38–40].

Тема стыда из-за наготы обыгрывается в совершенно ином, на этот раз положительном ключе в «Бхагавата-пуране» в знаменитом эпизоде с похищением Кришной одежд юных пастушек во время их купания в реке Ямуне (Калинди, современное название Джамна). Согласно тексту пураны, в зимний

---

⁴⁰ kiṃ kaupīnena te kāryaṃ muninā bhāvitātmanā
digambareṇaiva tadā kṛtaṃ dāru-vanaṃ tathā
bhikṣāṭana-miṣenaiva ṛṣi-patnyo vimohitāḥ
gacchantas te tadā śambho pūjanaṃ tair mahat-kṛtaṃ
kaupīnaṃ patitaṃ tatra munibhir nānythoditam
tasmāt tvayā prahātavyaṃ dyūte hāritamevatam.

месяц маргаширша незамужние пастушки, мечтая, чтобы Кришна стал их мужем, каждый день поклонялись богине Катьяяни, а перед этим они совершали омовение в реке. Оставив одежду на берегу, они купались и резвились в воде

Кришна похищает одежды пастушек. Кангра (XVIII в.)

полностью обнаженными. И вот в один прекрасный день Кришна сам наведася в то место. Собрав одежды девушек, он тотчас же взобрался на дерево нила кадамба⁴¹ и обратился к ним с шутливой речью⁴². Кришна предложил им выйти из реки по очереди и забрать свою одежду. Дрожа от холода, девушки умоляли его вернуть одежду и даже в шутку пригрозили, что пожалуются царю Кансе, на что Кришна, разумеется, ответил, что царь ничего не сможет ему сделать. В итоге

⁴¹ Кадамба – дерево *Nauclea cadamba*.

⁴² *tāsām vāsāmsi upādāya nīpam āruhya satvaraḥ <...> parihāsam uvāca ha.*

юным прекрасным пастушкам не оставалось ничего другого, как выйти из реки. При этом они прикрывали руками лоно⁴³. Чтобы полностью увидеть их наготу, Кришна пустился на хитрость. Он сказал девушкам, что, войдя в реку обнаженными, они нанесли оскорбление богам (*deva-helanam*) и для искупления этого прегрешения они должны сделать жест анджали (то есть сложить ладони). Таким образом Кришна добился того, что хотел, и, довольный, вернул девушкам их одежду [Шримад-Бхагаватам 2010: 277–299]. Поскольку Кришна это божественный персонаж, его поступок не воспринимается как нарушение индуистской морали, но вполне укладывается в рамки его игр (*līla*) на земле. Именуемый «похищение одежд» (*vastra-apaharaṇa*), этот эпизод стал одной из излюбленных тем для индийских художников, изображавших сцены из жизни своего любимого божества. Но если оставить в стороне традиционное религиозно-мистическое истолкование взаимоотношений Кришны и пастушек как стремление человеческих душ к Богу [Серебряный 1992: 17], то здесь вполне можно увидеть обычную сцену из жизни индийской деревни, когда молодые парни таким образом могли заигрывать со своими односельчанками.

С крайне бедственным положением, нищетой и лишениями нагота ассоциируется в знаменитом «Сказании о Нале» из третьей книги «Махабхараты» «Араньяка-парва» («Лесная книга»). В 58-й главе, где описывается, как царь Нала, окончательно проиграв в игре в кости своему брату Пушкаре все свои богатство и царство, вместе с Дамаянти покидает свою столицу, упоминается, что он уходит «в одном лишь (куске) ткани, полунагой» (*eka-vāsā asaṃvītaḥ*), и Дамаянти также следует за ним «в одной лишь нижней половине одежды» (*eka-vastrā*). Однако дальше положение становится еще хуже. Нала, видя неких птиц с золотыми перьями, пытается их поймать при помощи своего нижнего одеяния (*antaḥgēṇa vāsasā*), однако птицы хватают его одежду и улетают. Как оказалось, облик этих птиц приняли коварные игральные кости, которые хотели лишить царя последнего. В итоге он оказывается «одетым лишь

---

⁴³ *tato jalāsāyāt sarvā dārikāḥ śīta-vepitāḥ pāṇibhyāṃ yonim ācchādya protteruḥ śīta-karsītāḥ.*

пространством» (digvāsasa). Нале и Дамаянти не остается ничего лучшего, кроме как вдвоем обернуться одним куском ткани (eka-vastra-saṁvītāvaṭamānāv). На ночлег они останавливаются в некоей безлюдной хижине. Ночью Нала решает покинуть свою верную супругу и случайно найденным мечом отрезает половину оставшейся одежды. Днем Дамаянти чуть не становится жертвой огромной змеи, а затем и возжелавшего ее охотника, спасшего ее от этой змеи. При этом чарующее действие на охотника производит красота Дамаянти, укрытой лишь половиной одежды (ardha-vastra-saṁvītām) [Махабхарата 1987: 130–134]. Таким образом, здесь нагота, олицетворяющая бедственное положение, соединяется с наготой-соблазном. В дальнейшем обоим супругам предстоит испытать муки разлуки и множество тягот, пока они счастливо не воссоединятся.

Нагота-отрешенность

В Индии с давних пор существовала традиция для аскетов постоянно оставаться совершенно нагими. В данном случае нагота означает не только выход за пределы социума с его предписаниями, но полную отрешенность от мира, отказ от привязанностей и страстей. Из исторических источников нам известно, что Александр Македонский встретил на северо-западе Индии обнаженных мудрецов, которых греки называли гимнософистами («нагими философами») [Страбон 1994: 664–666]. Позднее эту традицию унаследовали капалики и каламукхи [Lorenzen 1960: 69, 108] и до наших дней сохранили агхори [Свобода 2017: 150, 266] – последние, впрочем, весьма малочисленны [Padoux 2010: 271].

Подобная практика нашла свое отражение и в мифологии. Именно таким перед нами предстает в «Бхагавата-пуране» (I.19.25–28) сын Вьясы Шука, по собственной воле странствующий по земле (yadṛcchayā gām aṭamāno). Заметим, что автор пураны не скупится на описание красоты обнаженного (avadhūta-veṣaḥ, digambaram) шестнадцатилетнего (dvyauṣṭa-varṣam) юноши, что не совсем обычно

для санскритских текстов, где всегда отдавалось предпочтение воспеванию красоты женщины. Шука вовсе не похож на истощенного аскета-странника: у него были вьющиеся волосы, обрамляющие лицо, широкая и выпуклая грудь, длинные руки, живот со складками, глубокий пупок, а ключицы незаметны (I.19.27)⁴⁴. В тексте подчеркивается, что он был особенно привлекателен для женщин (*strīṇām maṇo-jñam*), к которым, впрочем, оставался полностью равнодушен [Шримад-Бхагаватам 1990: 479–480].

Нагота-смерть

Я.В. Васильков пишет, что картина поля брани, где среди тел павших воинов пируют питающиеся падалью птицы и звери, в древности пленяла сознание представителей индоевропейских народов (индоариев, кельтов, греков, германцев и славян) [Васильков 1998: 133]. Тем более мощным это воздействие оказывалось, когда к этой картине добавлялся эротический элемент. Тогда сочетание Эрос-Танатос просто взрывало сознание человека. Именно это мы видим в одиннадцатой книге «Махабхараты» «Стри-парва» («Книга о женах»), в которой женщины приходят на поле битвы Курукшетры и оплакивают своих погибших мужей, братьев и сыновей. Возможно, это может показаться странным и даже шокирующим, но в знак траура женщины из знатных родов публично демонстрировали свою наготу: «Те женщины, кого прежде не могли видеть даже сонмы богов, теперь, когда пали (в битве) их мужья, явились взорам простонародья. Распустив прекрасные волосы и сняв с себя все украшения, оставив лишь половину одежды <...> женщины <...> выбегали из своих домов»⁴⁵ (11.9.9–10) (цит. по: [Махабхарата 1998: 65]). При этом связанное с

---

⁴⁴ *nigūḍha-jatruṃ pṛthu-tuṅga-vakṣasamāvarta-nābhiṃ vali-valgūdaram ca*
<...> *vaktra-vikīrṇa-keśam pralamba-bāhuṃ.*

⁴⁵ *adr̥ṣṭa-pūrvā yā nāryaḥ purā deva-gaṇair api*
pṛthag-janena dr̥śyanta tās tadā nihateśvarāḥ
prakīrya keśān suśubhān bhūṣaṇāny avamucya ca
eka-vastra-dharā nāryaḥ paripetur anāthavat.

наготой ощущение стыда полностью исчезало: «Юные жены, кои прежде даже подружек своих стеснялись, ныне, забывши стыд, перед своими свекровьями лишь в половине одежды представляли!»⁴⁶ (11.9.15) (цит. по: [Там же: 66]). Такая

***Дурга, умерщвляющая асуру Махишу.
Храм Амбика Мата Мандир. Штат Раджастан***

траурная «полу-нагота» связана, по-видимому, с переходным состоянием: человек, провожающий павших, сам оказывается на грани двух миров: этого и загробного. Мать Бхуришраваса, обращаясь к своему супругу Сомадатте, в частности, говорит: «Невестки твои, потерявшие детей, потерявшие своих супругов-владык, мечтают [по полю битвы], распустив (по плечам) свои черные волосы, полуодетые!»⁴⁷ (11.24.7) (11.24) (цит. по: [Там же: 87]). Одновременно

---

⁴⁶vrīdām jagmuḥ purā yāḥ sma sakhīnām api yoṣitāḥ
tā ekavastrā nirlajjāḥ śvaśrūṇām purato 'bhavan.

⁴⁷ ekavastrānusamvītāḥ prakīrṇāsita mūrdhajāḥ
snuṣās te paridhāvanti hatāpatyā hatesvarāḥ.

эпос подчеркивает эротическую привлекательность скорбящих женщин: «(эти) пребывающие в расцвете юности (жены) с прекрасными грудями и животами, с черными глазами, ресницами и волосами, рожденные в знатных семьях, стыдливые, с речью, напоминающей птичье воркованье, – издают пронзительные крики, словно журавлихи»⁴⁸ (11.18.13–14) (цит. по: [Там же: 78]). Не раз вспоминаются те любовные наслаждения, которым со своими женами предавались воины, когда они были живы. В частности, Гандхари обращает внимание Кришны на одну жену Дурьодханы, оплакивающую своего мужа: «Погляди, о Кришна, на мать Лакшманы, пышнобедрую, с распущенными волосами, блеском подобную золотому алтарю; когда-то она нежилась в объятьях Дурьодханы! Поистине, прежде, когда был жив мощнорукий, эта мудрая дева блаженствовала, обвивая его прекрасными руками»⁴⁹ (11.17.23–24) (цит. по: [Там же: 77]). Но наиболее поражает подобный эротизм в сцене с супругами Бхуришраваса (Юпадхваджи): «Супруги Юпадхваджи, те, чей стан не шире руки, кладя руку мужа себе на колени, жалобно его оплакивают: «Вот рука, которая срывала пояс, сжимала пышную грудь, гладила пупок и бедра, развязывала узлы одежды»⁵⁰ (11.24) (цит. по: [Там же: 87]). В.Г. Парандже полагает, что подобная откровенность призвана по контрасту с описываемой ситуацией вызвать у читателя чувство сострадания [Там же: 210].

Нагота оказывается связанной с войной и смертью неожиданным образом в «Бхагавата-пуране». Здесь в X.63 описывается битва Кришны и его родичей с воинством асуры Баны. Предыстория этого конфликта носит весьма

---

⁴⁸ pratyagra vayasah paśya darśanīya-kucodarāḥ
kuleṣu jātā hrīmatyaḥ kṛṣṇa-pakṣākṣi mūrdhajāḥ
haṃsa-gad-gada bhāṣiṇyo duḥkha-śoka-pramohitāḥ
sārasya iva vāsantyaḥ patitāḥ.

⁴⁹ prakīrṇakeśāṃ suśroṇīm duryodhana bhujāṅkagām
rukmedī nibhām paśya kṛṣṇa lakṣmaṇamātaram
nūnam eṣā purā bālā jīvamāne mahābhujē
bhujāv āśritya ramate subhujasya manasvinī.

⁵⁰ ayaṃ sa raśanotkarṣī pīna-stana-vimardanaḥ
nābhyūru-jaghana-sparśī nīvī visraṃsanaḥ karaḥ.

романтический характер. Однажды дочери Баны, почитателя Шивы, приснилось, как она наслаждается любовью с прекрасным юношей. Подруга Уши по имени Читралекха (букв. «художница») по словесному описанию нарисовала множество портретов мужчин, и среди них Уша узнала своего любимого, им оказался внук Кришны по имени Анируддха. При помощи все той же Читралекхи Уша похитила спящего Анируддху и Двараки и доставила в Шонитапур, где они вступили в брачный союз по обычаю гандхарвов (то есть без совершения каких-либо обрядов) и стали вместе жить в покоях Уши. Когда Бана узнал, что его дочь поставила под угрозу честь их рода, он пришел в ярость и схватил Анируддху (X.62) [Шримад-Бхагаватам 2012: 575–596].

Когда Кришна узнал, что его внук оказался в плену, он собрал войско и отправился на его вызволение. А на помощь Бане пришел Шива со всей своей свитой грозных существ. Между обеими армиями состоялась битва, в ходе которой Бана и Кришна вступили в поединок между собой. Кришна уже победил своего противника, но тут перед ним, желая спасти жизнь собственному сыну, появилась мать Баны по имени Котара. Она была обнажена и волосы ее были распущены (*nagnā mukta-śiroguhā*). Не желая смотреть на обнаженную женщину, Кришна отвернулся (*tiryān-mukho nagnām anīṅkṣan*), и Бана воспользовался этим и укрылся в своем городе. Правда, затем поединок между ними возобновился, и Бана был вынужден признать свое поражение, освободить Анируддху и согласиться на брак с ним своей дочери Уши [Там же: 597–633].

Этот миф представляет собой еще одно свидетельство соперничества вишнуизма и шиваизма. Котара это типично шиваитский персонаж, потому что нагота часто выступает качеством самого Шивы и его почитателей, что мы уже не раз видели. В словаре Апте мы находим близкое к ее имени слово *koṭarī* (*koṭarī*), обозначающее как обнаженную женщину вообще, так и выступающее эпитетом богини Дурги (изображаемой обнаженной)⁵¹ [Apte 1988: 164]. А

---

⁵¹ В таком важнейшем для становления шактизма тексте, как «Деви-махатмья», о наготе Дурги ничего не говорится, напротив, упоминается, что после ее явления Океан преподнес ей пару

согласно словарю Монье-Вильямса, koṭavī это форма Дурги и мать Баны, упоминаемая в «Харивамше», а в «Вишну-пуране» она – божество дайтьев [Monier-Williams 2015: 312]. Возможно, здесь следует понимать, что Кришна испугался обнаженной богини-воительницы, а не просто застенялся женщины. Кроме того, как замечает С. Л. Невелева, в эпосе нагота в сочетании с красным цветом и безволосостью (последнее в данном случае отсутствует) ассоциируется со смертью [Махабхарата 1998: 172].

Тема «наготы-смерти» будет неполной, если не сказать, что появление обнаженного человека во сне могло являться недобрым предзнаменованием. Именно так произошло с царем Кансой незадолго до его гибели: ему приснилось, что мимо проходит обнаженный человек, умащенный маслом и украшенный гирляндой из цветов налада (yāyān nalada-mālyekas tailābhyakto digambaraḥ) («Бхагавата-пурана» X.42.31) [Шримад-Бхагаватам 2010: 822].

Подведем итоги. Публичная нагота не только означает выход за пределы привычной социальной жизни, но и принадлежность к иному миру. Поэтому в индуистском пантеоне нагота связана прежде всего с Шивой и его супругой в ее грозной ипостаси Кали, а в области религиозной жизни – с его последователями и почитателями, что и находит свое отражение в эпосе и мифологии. Впрочем, «нагота-отрешенность» может быть присуща не только шиваитам, на что указывает пример Шуки. «Наготы-стыду», в форме которой социум хочет накинуть свою вуаль и заставить испытывать смущение и чувство вины, противостоит «нагота-соблазн», прежде всего в образе ярких и обворожительных небесных прелестниц-апсар, нарушающих подвижничество аскетов. Но и улыбка апсары может обернуться гримасой гибели, как в случае Тилоттамы. И здесь уже начинается манящая и пугающая одновременно нагота

одеяний (2.25). Однако на ранних скульптурных изображениях богиня почти полностью обнажена и только затем начинает представлять в богатых одеяниях.

– «нагота-смерть», предстающая в облике богинь-разрушительниц и полубнаженных красавиц, оплакивающих павших воинов на Курукшетре.

Литература

Тексты на санскрите и других древних языках и их переводы

- Вальмики 1999** – Вальмики. Рамаяна. Пер. с англ. М.: Гаудия-веданта Пресс, 1999.
- Геродот 1999** – Геродот. История. В 9-ти кн. Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, АСТ, 1999.
- Девибхагавата-пурана 2018** – Девибхагавата-пурана: в 6-ти тт. Пер. с санскр. А.А. Игнатъева. М.: Касталия, 2018.
- Махабхарата 1987** – Махабхарата. Книга третья. Лесная [Араньякапарва]. Пер. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Наука, 1987.
- Махабхарата 1990** – Махабхарата. Книга восьмая. О Карне. (Карнапарва). Пер. с санскр. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Наука, 1990.
- Махабхарата 1992** – Махабхарата. Книга первая: Адипарва / Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова / Под ред. академика А. П. Баранникова. 2-е изд. М.: Ладомир, 1992.
- Махабхарата 1998** – Махабхарата. Книга десятая. Сауптикапарва, Или Книга об избиении спящих воинов. Книга одиннадцатая. Стрипарва, или Книга о женах. Пер. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Янус-К, 1998.
- Махабхарата 2007** – Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва, или Книга о собрании. Пер. с санскр. В. И. Кальянова. М.: Наука, 2007.
- Одиссея 1984** – Одиссея. Пер. с древнегреч. В. Жуковского. М.: Правда, 1984.
- Ригведа 1999** – Ригведа: Мандалы V–VIII. Пер. с вед. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1995.
- Сказание 2002** – Сказание о Джаландхаре. Пер. с санскр. А.А. Игнатъева. М.: Ганга, 2022.
- Шримад-Бхагаватам 1990** – Шримад-Бхагаватам. Первая песнь – часть вторая. М.: Бхактиведанта Бук Траст, 1990.

- Шримад-Бхагаватам 2006** – Шримад-Бхагаватам. Десятая песнь – часть первая.
М.: Бхактиведанта Бук Траст, 2006.
- Шримад-Бхагаватам 2010** – Шримад-Бхагаватам. Десятая песнь – часть вторая.
М.: Бхактиведанта Бук Траст, 2010.
- Шримад-Бхагаватам 2012** – Шримад-Бхагаватам. Десятая песнь – часть третья.
М.: Бхактиведанта Бук Траст, 2012.
- Brahmāṇḍa-mahāpurāṇam 2000** – Brahmāṇḍa-mahāpurāṇam. Vārāṇasī:
Caukhambā Kṛṣṇadās Akādamī, 2000.
- Devībhāgavata-purāṇam 1986** – Devībhāgavata-purāṇam. N.D.: Oriental Books
Reprint, 1986.
- Kūrma-purāṇa 2014** – Kūrma-purāṇa. Gorakhpur: Gītāpres, 2017.
- Mahābhāgavata-purāṇa 1983** – Mahābhāgavata-purāṇa. Ed. by Pushpendra Kumar.
Delhi: Eastern Book Linkers, 1983.
- Śrī-Liṅga-mahāpurāṇa 2017** – Śrī-Liṅga-mahāpurāṇa. Gorakhpur: Gītāpres, 2017.
- Śrī-Śiva-mahāpurāṇa 2020** – Śrī-Śiva-mahāpurāṇam. Gorakhpur: Gītāpres, 2017.
- Skanda-purāṇam 2002** – Skanda-purāṇam. Part I. Calcutta, 1959.
- The Skanda Purāṇa 2002** – The Skanda Purāṇa. Part XVI. Transl. by G. V. Tagare.
Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2002.
- Vāmana Purāṇa 2005** – Vāmana Purāṇa: Sanskrit text and English translation, with
an exhaustive introduction, notes and index of verses. Ed. by O.N. Bimali, K.L.
Joshi. Delhi: Parimal Publications, 2005.

Исследования, словари и прочая литература

- Васильков 2009** – Васильков Я. В. Между собакой и волком: По следам института воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 47–62.
- Гринцер 1992** – Гринцер П. А. Шива // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. С. 642–644.
- Гринцер 2013** – Гринцер П. А. Эпос Древнего мира // Гринцер П. А. Избранные произведения. Т. 2. Сравнительное литературоведение и санскритская поэтика. М.: РГГУ, 2013. С. 112–180.
- Ефремов 2016** – Ефремов И. А. Лезвие бритвы. М.: Изд-во АСТ, 2016.
- Игнатъев 2020** – Игнатъев А. А. Книга о любви и вине. М.: Касталия, 2020.
- Индуизм 1996** – Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. Общ. ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996.
- Крамриш 2017** – Крамриш С. Присутствие Шивы. Пер. с англ. П. Хрущевой. М.: Ганга, 2017.
- Свобода 2017** – Свобода Р. Агхора. По левую руку Бога. Пер. с англ. М.: Саттва, 2017.
- Серебряный 1992** – Серебряный С. Д. Кришна // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. С. 15–18.
- Топоров 1992** – Топоров В. Н. Рудра // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. С. 388–389.
- Тюляев 1988** – Тюляев С. И. Искусство Индии. III-е тысячелетие до н.э. – VII век н.э. М.: Искусство, 1988.
- Шудхирчондро 2013** – Шудхирчондро Ш. Лица богов: Словарь-справочник индийской мифологии. Пер. с бенгальского Е. К. Бросалиной. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2013.

- Apte 1988** – Apte V. Sh. The Student's Sanskrit-English dictionary. Bombay: Gopal Narayen and Co, 1988.
- Feuerstein 2011** – Feuerstein G. The Encyclopedia of Yoga and Tantra. Boulder: Shambhala Publications, 2011.
- Lorenzen 1960** – Lorenzen D. N. The Kāpālikas and Kālāmukhas: Two Lost Śaivite Sects. N.D.: Shakti Malik, Abhinav Publications, 1960.
- McEvelley 2002** – McEvelley Th. The Spinal Serpent // The Roots of Tantra. Ed. by K. A. Harper, R. L. Brown. Albany: State University of New York Press, 2002. P. 93–113.
- Padoux 2010** – Padoux A. Comprendre le tantrisme. Les sources hindoues. Paris: Albin Michel, 2010.